

ЗВЕЗДЫ ЦАРСКОЙ ЭСМПРАДЫ

Вы просите пѣсенъ

ИХЪ НБТЬ

ЗОЛОТЫХЪ

МОТИВОВЪ

ДЕКОМ

ДЕКОМ

Коллектив авторов
Максим Кравчинский
Звезды царской эстрады
Серия «Русские шансонье»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34340576
Звезды царской эстрады. : . – . : Деком; Нижний Новгород; 2011
ISBN 978-5-89533-255-9

Аннотация

Героями новой книги серии «Русские шансонье» стали артисты, блиставшие на императорской сцене. Вас ждет увлекательное представление в трех отделениях, с интродукцией, антрактами, дивертисментами...

Кроме звезд царской эстрады в представлении участвуют цыганские хоры, шансонетки, квартеты каторжан... В качестве бенефицианта выступает любимец Николая II, Баян русской песни Юрий Спиридонович Морфесси.

Вместе с артистами начала XX века читатель переживет взлет царской эстрады, а затем – революцию, растерянность, эмиграцию, перенесется со сцен великосветских салонов в сумрак парижских кабаков, ощутит горечь изгнания и окажется перед выбором в годы Второй мировой...

В череде ярких событий нашлось место и роковой любви, и отчаянному соперничеству, и шпионским играм.

Редкие фотографии прошлого века, сопровождающие повествование, позволят читателю в полной мере оценить искусство звёзд императорской России.

Компакт-диск прилагается только к печатному изданию.

Содержание

Предисловие	11
Интродукция. Во славу!	17
«Несравненная»	18
«Божественная»	54
«Король романса»	64
«Кто на свете всех милее?»	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Звезды царской эстрады

Автор- составитель

Максим Кравчинский

*Светлой памяти моего друга Алекса Сингала
(1970–2011) посвящается эта книга.*

М.К.

*Всему на свете истинную цену
отменно знает время – лишь оно
сметает шелуху, сдувает пену
и сцеживает в амфоры вино.*

Игорь Губерман

Серия «Русские шансонье».

Основана в 2009 году

Автор-составитель *Макет Кравчинский*

Авторы

Ю. С. Морфесси

М. И. Близнюк

Л. Л. Вавич-Вариченко

О. А. Лисина

Е. И. Перфилова

В ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Анастасия Вяльцова
Варя Паньина
Александр Давыдов
Надежда Провидская
Александр Вертинский
Райса Райсова
Мария Каринская
Юрий Морфесси

УЧАСТВУЮТ:

Николай Северский
Михайл Вавич
Иза Крөмер
Владимир Сабинин
Федор Шаряпин
Семен Садовников
Васирий Шумский
Настя Полякова

Предисловие

Период последнего десятилетия XIX – начала XX веков принято называть Серебряным веком русской культуры. Наряду с известными символами того времени – прежде всего в поэзии и изобразительном искусстве – нельзя забывать и о других жанрах, стремительно развивавшихся на рубеже столетий. В нашем случае речь – об эстраде.

Изобретение в 1877 году фонографа, а вскоре и более совершенного граммофона открыло новые, дух захватывающие перспективы. Не увенчался успехом многовековые попытки человечества научиться «консервировать» звук, имена множества великих исполнителей так и остались бы для нас лишь буквами на пожелтевших афишах. К счастью, появилась грампластинка и голоса артистов, блиставших век назад на императорских подмостках, звучат по сей день, очаровывая нас своей проникновенностью. Фактически Серебряный век русской культуры стал для эстрады временем становления.

Год спустя после убийства Александра II его сын, Александр III, желая отвлечь народ от революционных настроений, издал указ об отмене в обеих столицах «монополии императорских театров на организацию публичных концертов». Нетрудно догадаться, к каким последствиям привел царственный автограф под документом от 24 марта 1882 го-

да. Повсюду распахивали свои двери развлекательные заведения всех калибров и мастей, с подмостков которых доносились до обалдевшей от впечатлений публики романсы, куплеты, анекдоты и даже каторжанские песни. К началу XX века на русской эстраде сформировались основные музыкальные жанры со своими законами, образами и кумирами.

На рубеже XIX и XX веков восходит звезда исполнителей романсов Николая Северского, Михаила Вавича, Юрия Морфесси... Поклонники боготворили Анастасию Вяльцеву и Варю Панину Настю Полякову и Надежду Плевицкую. Эти артисты наряду с Федором Шаляпиным – одним из символов русского искусства вообще – составляли цвет отечественной эстрады Серебряного века. Они выступали в лучших театрах и залах Дворянского собрания, были частыми гостями в домах высшей знати, пели для царской семьи, а их состояния достигали чисел с шестью нулями. Это было время умопомрачительных – с «цыганами и медведями» – загулов у «Яра»; время настоящих (без «фанеры» и «Фотошопа») голосов и лиц; время роскошных нарядов и нефальшивых бриллиантов...

Жаль, что эстрадные звезды царской России оставили потомкам не так уж много мемуаров. Помимо Шаляпина, Плевицкой и Вергинского в эпистолярном жанре из знаменитостей не отметился никто. Кроме... Юрия Спиридоновича Морфесси.

Сегодня его имя мало кто помнит. Хотя Морфесси, де-

бютировавший в самом начале XX столетия, вплоть до эмиграции в 1920 году справедливо занимал положение одного из самых популярных исполнителей романсов. Это был прекрасный баритон, выступавший с романсами, шуточными вещицами и патриотическими «гимнами» а-ля «Казак Крючков». Он пришел на большую сцену чуть позднее Вяльцевой, Паниной, Шаляпина и Северского. Практически одновременно с ним «выстрелили» Плевицкая и Вавич – будущие спутники на дорогах изгнания.

Жил певец в шикарной квартире в Петербурге, открывал под настроение рестораны со средним счетом в годовую зарплату рабочего, любил покутить и желательно в обществе красивых этуалей.

В общем, любимец публики и дамский угодник.

В советских реалиях о нем знали мало: на слуху были Вертинский, Лещенко, запевшие лет на 15 позднее. А Морфесси остался как бы обломком той, во всех смыслах старой России и громоздился в массовом сознании таким комодиком из барских интерьеров. О нем вспоминали только подкованные литераторы в романах о Гражданской войне и реже – музыковеды с меломанами. Валентин Пикуль в хронике «Из тупика», рассказывающей о событиях 1918–1920 гг. на севере России, описывает такую сцену: *«Был уже поздний час, но в британском консульстве лампы не зажигали. Уилки сидел у себя на постели, пил виски и заводил граммофон с русскими пластинками. Особенно ему нравился Юрий Морфесси, –*

пластинка кружилась, и лицо красавца Морфесси, изображенное на этикетке, расплывалось, как в карусели.

*Вернись, я все прошу – упреки, подозренья.
Мучительную боль невыплаканных слез,
Укор речей твоих, безумные мученья,
Позор и стыд твоих угроз...*

Дверь тихо отворилась, и вошел бледный Юрьев. Остался на пороге, не вынимая рук из карманов, и по тому, как обвисли полы его короткого пальто, Уилки определил: “В левом – браунинг, в правом – кольт”.

– погоди, – сказал ему Уилки. – Очень хорошая песня.

*Мы так недавно так нелепо разошлись.
Но я был твой, а ты была моею.
О, дай мне снова жизнь —
вернись!*

Пластинка, шипя, запрыгала по кругу. Уилки снял мембрану. Налил себе виски, взбудоражив спиртное газом из сифона.

– А хорошо поет, верно? – спросил равнодушно».

Писатель очень точно находит приметку времени. Красавец-певец, проникновенно изливающий декадентский романс, – то, что надо¹.

¹ Популярный писатель либо допустил ошибку, либо использовал художе-

Как ни странно, но в отличие от других, гораздо более серьезно эту жизнь воспринимавших коллег именно Морфесси написал мемуары под названием «Жизнь, Любовь, Сцена. Воспоминания Баяна русской песни». Они вышли в 1931 году, в канун 50-летия артиста, в Париже, и с тех пор никогда в России отдельным изданием не печаталась.

Обсуждая в редакции состав и компоновку будущей книги, мы решили использовать мемуары Баяна русской песни как некую канву, вплетая в нее различные отступления, врезки, дивертисменты, антракты – всё, чтобы как можно подробнее обрисовать эстраду предреволюционной России.

Конечно, по ходу «пьесы» Морфесси упоминает знакомых, друзей, а главное – соратников по артистической стезе. Но ни одного крупного портрета он не нарисовал. В лучшем случае это абзац-другой прочувствованной, но с фактологической точки зрения совершенно нулевой информации.

Мы постарались восполнить эти пробелы. Так, вы прочитаете в книге о жизни – на сцене и вне ее – Николая Северского и его сыновей (знаменитая семья певцов и... военных летчиков), Михаила Вавича (с которым Морфесси очень крепко дружил, но почему-то не посвятил ни строчки), Александра Вертинского (с которым Баян соперничал за славу); истории жизни и творческого пути таких певиц, как

ственный вымысел. Никогда на пластинке, да еще с фотографией, Ю. Морфесси не записывал романса «Вернись, я все прощу...» (Прим. Максима Кравчинского, далее – М. К.)

Надежда Плевицкая, Иза Кремер, Настя Полякова... Присутствуют в книге менее известные личности: куплетисты Сарматов, Сокольский и Троицкий, борец Иван Заикин, клоун Жакомино и личности, совершенно забытые сейчас, но тоже определявшие лицо российской сцены.

Жизнь Морфесси взята за основу еще и потому, что оказалась она у Баяна долгой, вместив в себя славу, революцию, изгнание, войну... Практически никому из коллег артиста Господь не отмерил столь долгий век. Именно судьба Морфесси позволяет нам протянуть нить повествования с конца века XIX до середины XX столетия, увидев широкую панораму биографий эстрадных звезд царской России на фоне бурного времени.

Но прежде чем на «сцене» появится с сольной «программой» Юрий Морфесси, мне хочется пусть пунктирно, но обрисовать упущенные им образы, дабы, оправдывая название этой книги, дать развернутый ответ на вопрос: «Из каких же драгоценных осколков складывалась мозаика эстрады царской России?»

Максим Кравчинский

Интродукция. Во славу!

«Несравненная»

*Ах, да пускай свет осуждает,
Ну, да пускай тянет молва.
Кто разлюбил, тот понимает,
Мне осудит никогда...*

Из репертуара А. Д. Вяльцевой, слова С. Зилоти

Примадонной царской России, без сомнений, следует признать Анастасию Дмитриевну Вяльцеву. Полет «чайки русской эстрады» смотрелся намного эффектнее и стремительнее практически всех ее конкуренток. «В Вяльцевой, – утверждал именитый театральный критик А. Р. Кугель, – бы-

ло что-то зовущее, колдовское и тревожащее».

Конечно, нет шкалы, по которой можно измерить успех или человеческую драму, и судьбы других певиц – современниц Вяльцевой не менее (а кому-то может показаться, что и более) накалены и трагичны. Но лучшей точки отсчета, чем жизнь и творчество Несравненной, как благоговейно звали Вяльцеву даже самые злые акулы пера, для начала рассказа трудно отыскать.

Анастасия Вяльцева родилась в крестьянской семье, в деревеньке Алтухово, что до сих пор стоит среди брянских лесов².

Мать, Мария Тихоновна, занималась хозяйством и воспитанием троих детей. Кроме дочери подрастали два сына – Яков и Ананий. Отец служил лесничим в соседнем имении графа Орловского, но вскоре после рождения Насти погиб от упавшего дерева, оставив семью практически без средств к существованию.

«...Возле проселочной дороги стояла их избушка с завалинками до самых окошек. Низко нависшая замшелая крыша дополняла печальную картину нищеты и заброшенности...»³

Дети подрастали, и Мария Тихоновна решила перебраться в большой город, дабы определить их учиться какому-то

² В то время Алтухово относилось к Орловской губернии.

³ Здесь и далее в главе фрагменты, выделенные курсивом, цитируются по книге С. Кизимовой «Несравненная Анастасия Вяльцева» (см. библиографию).

ремеслу.

Годы спустя Анастасия Дмитриевна вспоминала, что у них с матерью и братьями не было денег даже на самый дешёвый железнодорожный билет и потому «за лучшей долей» в ближайший крупный город – Киев они отправились, сколотив с помощью соседей плот.

Настя Вяльцева – подгорничная в киевской гостинице

Через знакомых мать пристроила восьмилетнюю Настю ученицей в портняжную мастерскую. Втянувшись в нелег-

кий рутинный труд, сидя за шитьем, девочка часто напевала известные ей с детства песенки и вскоре стала любимицей всех мастериц, прозвавших ее «нашей пташечкой».

Миновали годы обучения, не принесшие, однако, никаких перспектив.

Через знакомых мать помогла дочери устроиться подгорничной в гостиницу на Крещатике. Устраивала с тайной надеждой, что кто-то из заезжих знаменитостей (а их приезжало в Киев немало) обратит внимание на звонкоголосую девушку.

Звезды, впрочем, не спешили одаривать своей протекцией скромную служанку, прибиравшуюся в номере. Зато сама Настя не теряла веры в успех и каждую свободную минуту старалась не тратить понапрасну. Заучивала популярные песни, интересовалась судьбой тогдашних кумиров, а на заработанные деньги посещала концерты и спектакли. Девочку заметили: в тринадцать лет ее приняли статисткой в захудалый театрик.

Год спустя, поднабравшись опыта, Настя поступает в опереточную антрепризу. Постепенно, шаг за шагом, она нарабатывала репертуар и умение держаться на сцене. Круг ее знакомых состоял теперь из хористок, студентов и молодых актеров. На нее обратил внимание известный театральный режиссер А. Э. Блюменталь-Тамарин и даже рискнул организовать под новую «звезду» антрепризу. Но затея провалилась.

Отчаявшуюся было Настю неожиданно пригласил в гастрольную поездку другой импресарио.

Она согласилась и, объехав с выступлениями ряд крупных городов, двадцати неполных лет очутилась в Москве, где поступила на службу в театр «Аквариум».

Хористка Петербургского театра «Аквариум»

Именно здесь, а не в киевской гостинице, как пишут мно-

гие биографы Несравненной, произошла ее встреча с «русской Жюди» – Серафимой Бельской.

– Вам надо учиться пению! Такой талант загубить грех! – напутствовала прима.

Настя и сама это понимала, но средств на достойное образование у нее не было. *Хористка Петербургского Амбициозная провинциалка* выступала на *театра «Аквариум»* подмостках второразрядных театров, колесила с гастрольями в составе хоровых групп, пробовала себя в оперетте, где ей иногда позволялось пропеть две-три фразы: «Вот идее-е-е-ет графиня-а-а!».»

Возможно, русское общество никогда бы не узнало о таланте Вяльцевой, если бы не случай...

Вера Зорина – предшественница Анастасии Вяльцевой

В 1893 году хозяин Санкт-Петербургского театра, где подвизалась в ту пору молодая певица, осуществил постановку оперетты «Цыганские песни в лицах», доверив нашей героине небольшую роль Кати. Счастью Насти не было предела, ведь ей предстояло выступить на одних подмостках с лучши-

ми артистическими силами конца XIX века, «королем теноров» Сашей Давыдовым и «королевой оперетты» Раисой Раисовой (рассказ о них ждет читателя впереди).

Начались репетиции, но роль не давалась. Строгий вид и горячий кавказский темперамент Давыдова сковывали Вяльцеву. Она пела робко, вызывая негодование наставника. После очередной перепалки, рассердившись на учителя, Анастасия запела, да так, что в восторг пришли все присутствовавшие на репетиции.

После дебюта Вяльцева записала в дневнике: «...Вера в счастливую звезду меня поддержала и, действительно, я выдержала экзамен. Раздались аплодисменты, крики: “бис” – полетели на сцену студенческие фуражки... Когда я выходила из театра, на подъезде меня окружили курсистки, схватили мои руки и стали целовать. На следующий день я прочла все газеты и узнала, что мой голос напоминает Веру Зорину. Но я никогда в жизни ее не слышала и ужасно об этом жалею».

Чайка русской эстрады

О Вяльцевой заговорили в свете. В театре отныне она стала получать главные роли. Острословы тут же отозвались на успех юной артистки четверостишьем:

От зависти сквозь пальцы вой,

*Концертная певица!
В восторге вся от Вяльцевой
Российская столица!!!⁴*

Но до подлинного триумфа было далеко. Поворотным моментом стала встреча с модным адвокатом и светским львом Николаем Осиповичем Холева.

⁴ До 1918 года столицей России был Санкт-Петербург.

Н. О. Холева

Увлечшись Вяльцевой, он стал помогать ей. У Вяльцевой впервые появилась возможность по-настоящему учиться вокалу и регулярно выступать на музыкальных вечерах, которые устраивал состоятельный поклонник для своих знакомых. Особенно ловко Николай Осипович выстраивал отношения с прессой, что в немалой степени способствовало развитию популярности его протеже.

Почти все биографы Вяльцевой уверяют, что ее отношения с покровителем были исключительно платоническими. Но никто в столичном бомонде не верил, что опытный юрист станет тратить значительные средства на певицу исключительно по дружбе. Есть мнение, что между молодыми людьми все-таки «вспыхнуло взаимное чувство». Но до свадьбы дело не дошло – осторожная Анастасия опасалась связывать судьбу с азартным картежником, каким был Николай Холева. Когда же выяснилось, что «милый друг» еще и регулярно изменяет ей, считая мимолетные увлечения делом обычным, воспитанная в патриархальных традициях Вяльцева бескомпромиссно покинула неверного, оставив все подаренные им драгоценности и шикарные платья.

В 1897 году артистка по приглашению известного антрепренера Якова Щукина переехала из Санкт-Петербурга в Москву, в театр «Новый Эрмитаж», на ставку в 133 рубля за выход. Серьезные деньги по тем временам!

«Москва признаёт тебя своею!» лента с такой надписью

овивала одну из сотен роскошных корзин с цветами, преподнесенными дебютантке. Авторитетный критик А. Р. Кугель в известной работе «Театральные портреты» откровенничал: «Припоминаю крайнюю степень моего удивления, когда мне рассказали о том, что появилась “звездочка” Вяльцева. Я просто отказывался этому верить, как не верило большинство знавших эту худенькую девушку с прелестной улыбкой, стоявшую на авансцене направо. Услыхал я Вяльцеву первый раз на концерте, когда у нее уже была прочная репутация и большая известность. Пришлось согласиться, что народилась действительно интересная и очень волнующая певица».

АНАСТАСИИ ДМИТРИЕВНЫ
ВЯЛЬЦЕВОЙ

БОЛЬШОЕ КОНЦЕРТНОЕ ТУРНЕ ПО РОССИИ

Объявление о гастрольном турне 1902 г.

Сотрудничество с Щукиным продолжалось к обоюдному удовольствию вплоть до 1909 года.

Каждый приезд Вяльцевой в “Эрмитаж” можно было бы

сравнить лишь с шествием венецианского дожа во дворец, От ворот сада до своей артистической уборной она шла по дорожке, усыпанной живыми благоухающими розами. Вяльцева очень любила цветы, и директор театра, оказывая дань уважения артистке, проявлял немало выдумки, чтобы придать встрече торжественный и праздничный вид. Артистическая уборная, обтянутая шелковой тканью, к приезду певицы была сплошь от пола до потолка у крашена цветам и и огромны ми пальмами, На полу, покрытом пушистым ковром, лежали гиацинты, фиалки и белые лилии...»

С мужем Василием Бискупским

В 1902 году Анастасия Дмитриевна отправляется в первую гастрольную поездку. И хотя газетчики предрекали ей провал, все выступления прошли с аншлагами. В даль-

нейшем она предпринимала такие туры ежегодно.

В канун русско-японской войны на одном из концертов для высочайших особ судьба свела певицу с ротмистром Бискупским.

Статный и рослый красавец-офицер Василий Викторович Бискупский, сын вице-губернатора Томска и столбовой дворянки Римской-Корсаковой, несмотря на разницу в социальном положении и возрасте (он был младше Вяльцевой на восемь лет)⁵, серьезно увлекся Анастасией Дмитриевной. Она ответила ему взаимностью.

В 1904 году Василий Викторович принимает участие в русско-японской войне. Когда с фронта пришло известие о тяжелом ранении возлюбленного, певица, не задумываясь, разорвала многотысячный контракт и отправилась на Дальний Восток. Выживая мужа, Анастасия Вяльцева стала рядовой сестрой милосердия во фронтовом госпитале и наравне со всеми врачевала солдат. Конечно, ее инкогнито вскоре раскрыли и упросили дать благотворительный концерт, который прошел с ошеломляющим успехом.

Из газеты «Харбинский вестник», 17–18 августа 1904 года:

«Концерт А. Д. Вяльцевой в субботу в театре Арнольдова

⁵ С началом сольной карьеры, а по другой версии, из-за разницы в возрасте с мужем Анастасия Дмитриевна стала указывать годом рождения не 1871, а 1873.

привлек массу публики, несмотря на непролазную грязь на пристани. Извозчики из Нового Харбина довозили пассажиров только до начала китайского базара и дома, где была гостиница "Бристоль"; после чего публика при лунном освещении должна была пешком пробираться до городского сада.

Никогда еще наш летний театр не вмещал в своих стенах такой массы публики, когда весь фешенебельный Харбин явился сюда послушать единственную в своем роде А. Д. Вяльцеву, великодушно согласившуюся спеть в пользу увечных и семейств убитых нижних чинов Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи.

Несмотря на шаляпинские цены, уже Задолго до вечера был вывешен аншлаг: "Билеты все проданы" (в том числе и на особо устроенные места в оркестрах, проходах и "приставные"). Многие покупали билеты из вторых и третьих рук, уплачивая большую премию (десятирублевое место в оркестре продано За 25 руб., а рублевый билет на галерею куплен За 4 руб. и т. д.).

Зал трещит от публики. Негде яблоку упасть. Взвился Занавес, и на эстраде появилась грациозная А. Д. Вяльцева, одетая в скромное серое платье. Ей преподнесли роскошный букет. За пианино сел г. Вуич, старательно аккомпанировавший артистке.

Если первому романсу, спетому артисткой Заметно уставшим от дороги голосом, скептики не спешили аплодировать, то с каждой новой песней мысленное расстояние между ар-

тисткой и слушателями делалось все меньше, пока наконец публика не отдалась всецело обаянию этого прекрасного голоса, чарующего своей выразительностью. Громы аплодисментов и полное энтузиазма *bis* сопровождали каждый пропетый романс. Зал был покорен артисткой, ее передачей самых простых цыганских романсов, ее чудной фразировкой и умением оттенить то удаль бесшабашную, то полную неги страсть.

В конце концов наэлектризованный партер устроил артистке ряд шумных оваций. Нельзя не сказать спасибо За то высокое художественное наслаждение, которое она доставила харбинцам, и За материальную помощь, оказанную ее концертом сиротам и увечным чинам пограничной стражи».

За участие в русско-японском конфликте Бискупский был отмечен множеством орденов и медалей и закончил войну в звании полковника, а по возвращении в Петербург был назначен начальником личной охраны Николая II. Однако монаршее благоволение не помогло. Едва стало известно о его тайном венчании с Вяльцевой, Василий Викторович был разжалован и чуть ли не лишен всех наград. Таковы были нравы тогдашнего высшего общества: романы с актрисами поощрялись, браки – нет.

С того момента и практически до самой смерти певицы Бискупский выполнял при ней роль распорядителя и организатора концертов.

Долгие месяцы Анастасия Дмитриевна проводила в гастрольных турне. Для комфортного передвижения по империи ею был заказан у бельгийских мастеров специально оборудованный по последнему слову техники вагон. После революции это «чудо инженерной» и дизайнерской мысли не обошли своим вниманием ни «белые», ни «красные»: сперва хозяином вагона стал Колчак, а потом – красный командир Блюхер.

Весной 1908 года певица записала в дневнике: «Все удивляются моей неутомимости. Действительно, я только что совершила длинное концертное турне, посетив 28 городов... Одно только неприятно, что в поезде я простудилась и в трех городах должна была петь “а-ля Варя Панина”...»

Публика боготворила Несравненную. Репортеры, предрекавшие ей некогда провал, нынче захлебывались от восторга: «Пришла, увидела и победила!»

Вяльцева в собственном вагоне

Вот данные о продажах билетов на концерты Анастасии Дмитриевны: Полтава – вместо планируемых 1200 руб. продано на 1348, Харьков – вместо 2000 руб. – 2139, Рига – вместо 2000–2292 руб. и т. д.

Из газеты «Вологодский справочный листок» от 5 октября 1910 года:

«1 октября состоялся наконец этот экстраординарный концерт, ознаменовавшийся столь необычайным для нас вздутием цен, что большинство наших меломанов принуждено было отказать себе в удовольствии послушать диву. А. Д. Вяльцева уже давно пользуется репутацией несравненной истолковательницы цыганского романса, и до сих пор она

царит в этой области, несмотря на то, что немало соперниц оспаривают у нее пальму первенства. У г-жи Вяльцевой много данных, дающих ей возможность прочно держаться на Занятой позиции.

Прежде всего у нее превосходный голос, красивый и чистый, которым она прекрасно распоряжается; голос, которому позавидует любая оперная певица. В пение она вкладывает много чувства и экспрессии и иллюстрирует его мимикой своего подвижного, выразительного лица.

Г-жа Вяльцева имела шумный успех. Каждый номер сопровождался бурными проявлениями восторга».

И только на концерте в Калуге возникла угроза провала... пола в зале Дворянского собрания.

Случалось, примадонне боялись предоставлять залы, опасаясь ее «погромной славы». В Москве, где успех вокалистки был особенно громким, ее концерты не раз заканчивались беспорядками. Перед началом представления к залам, в которых должна была выступать Вяльцева, стягивалась полиция, дежурившая в фойе и в зале. Как только певица заканчивала бисировать – а выходила она к неумолимой публике на бис до шестидесяти (!) раз, фактически повторяя концерт дважды, – студенты с галерки бросались по лестницам вслед за ней, а если их не допускали к кумиру, начинали крушить мебель.

«В самый разгар препирательств с полицией на эстраде

появлялась сияющая и улыбающаяся Анастасия Дмитриевна. Она останавливалась у края сцены, смотрела некоторое время на волнующуюся публику и, обращаясь к блюстителям порядка, говорила: “Оставьте их, какого вы хотите порядка, когда я пою?! Здесь вы не нужны, за порядком буду следить я”».

Дошло до того, что владельцы залов стали брать с организаторов ее концертов залог за мебель. Сумма доходила до трехсот рублей.

Никакой программы вечеров певица, как правило, не готовила и исполняла все те песни своего репертуара, о которых просила публика.

Несмотря на признание и богатство, по характеру Вяльцева оставалась простой крестьянкой. Она сама учитывала расходы, была неприхотлива в еде, но за выступления требовала огромные гонорары – по 1000 рублей за выход.

Вяльцева накануне первого большого гастрольного турне

Только Шаляпин соперничал с Несравненной за первенство самого дорогого артиста Российской империи.

Существует версия, что основой стали все-таки не бесконечные гастроли (приносящие до ста тысяч рублей годового дохода), а неожиданный сюрприз поклонника. Якобы во время концерта он подал ей на сцену роскошный веер, к которому были прикреплены дарственные на три доходных дома. Управлять «подарком» Вяльцева поручила родному брату Ананию.

Состояние Примадонны современники оценивали в 2–2,5 миллиона рублей. Невероятная сумма!

Например, банковский служащий средней руки получал до 3000 в год, врач в больнице – рублей 400–500, квалифицированный рабочий – 250–300⁶.

Но ученый-краевед из Брянска С. П. Кизимова, которая много лет исследует жизнь и творчество своей землячки, утверждает, что разговоры о миллионном состоянии сильно преувеличены. И дело даже не в невозможности заработать такие деньги, но в том, что певице вновь не повезло в личной жизни – Бискупский, как и многие представители знати, оказался заядлым картежником и кутилой. Даже баснословных гонораров Анастасии Дмитриевны, бывало, не хватало на покрытие долгов супруга. Однажды в пьяном кураже Василий Бискупский со своим закадычным приятелем Павлом

⁶ «Базарные цены за октябрь 1910 года: мясо 15–17 коп. фунт, филе 30 коп. фунт, язык большой 75 коп. фунт, почка 18 коп. штука, сало свиное 24–30 коп. фунт; раки от 50 коп. сотня; картофель 1 коп. фунт., лук 2,5 коп. фунт; помидоры от 10 коп. дес.; яблоки антоновка от 10 коп. дес.; яйца 29–30 коп. дес.» – из газеты «Русское слово» (от 21 октября 1910 года).

Скоропадским (тем самым, который впоследствии ненадолго стал украинским гетманом) разогнали похоронную процессию святого Иоанна Кронштадтского.

Жизнь «чайки русской эстрады» была пусть не безоблачна, но насыщена и интересна: она активно занималась благотворительностью, много выступала и записывалась на пластинки.

По-настоящему сожалела Анастасия Дмитриевна лишь о том, что Бог не дал ей детей, и всю свою нерастраченную ласку тратила на сирот и обездоленных. Во время очередной поездки по стране Вяльцева подобрала на обочине дороги малолетнюю нищенку и сделала ее приемной дочерью. К несчастью, долго девочка не прожила. Однако вскоре судьба преподнесла Вяльцевой подарок. *«На одном из концертов Несравненной поднесли несколько корзин с цветами, которые она увезла с собой домой, не подозревая, что в самой большой из них спал двухмесячный младенец, усыпленный маковым отваром. Через определенное время корзина запищала, На плач ребенка сбегались все домохозяцы. И каково же было их удивление, когда среди цветов обнаружили младенца, а в пеленках записку со словами: Женя Ков шаров». Отдать ребенка в приют Вяльцева не пожелала...»*

До самой смерти примадонны мальчик жил в ее доме. По завещанию ему отошло 40 000 рублей, которыми он, впрочем, так и не воспользовался, покончив вскоре после ухода Вяльцевой жизнь самоубийством.

Внимательной певица была и к прислуге. Некоторое время в ее доме служила молодая горничная по имени Анна. Анастасия Дмитриевна привязалась к скромной девушке и занялась ее образованием. Глядя на нее, она вспоминала о своем нелегком крестьянском детстве. Обладавшая природной музыкальностью Анна с жадным интересом слушала домашние репетиции хозяйки, и Анастасия Вяльцева решила устроить свою горничную в хористки. Но строгий муж Анны не позволил супруге «идти в артистки» и забрал ее из «барского дома». При расставании Вяльцева сделала «Аннушке» дорогой подарок, символ достатка того времени – граммофон и свои пластинки. Жизнь, однако, взяла свое, но... гораздо позднее. Анна стала матерью знаменитого советского композитора Василия Павловича Соловьева-Седого, создателя песни «Подмосковные вечера» и десятков других шлягеров.

Театральный сезон 1912 года не предвещал ничего необычного. Лишь в сентябре, находясь в Крыму, певица почувствовала недомогание. Медики поставили диагноз – воспаление легких. Несмотря на это, Вяльцева отправилась в очередное турне... Последним городом, где она пела, стал Воронеж. Публика терпеливо ждала до десяти вечера, а занавес все не поднимали, потому что Анастасия Дмитриевна, вконец обессиленная, не могла подняться с дивана. Кое-как собравшись с силами, она вышла и, собрав всю волю в кулак, отпела первое отделение. Понимая, что не в состоянии про-

должать, вышла к публике, извинилась и пообещала в следующий раз петь в два раза больше.

Из журнала «Театр и искусство», осень 1912 года:

«Госпожа Вяльцева серьезно Занемогла. Постигшая ее в пути во время последнего турне сильная простуда осложнилась плевритом, от которого артистка слегла. Ближайшие ее концерты, в Петербурге и в Москве, отменены».

Вернувшейся в Петербург «певице радостей жизни» врачебный консилиум вынес приговор – лейкемия. С января 1913 года вся российская печать начала размещать сводки о состоянии здоровья Несравненной.

Утром 22 января мальчишки-торговцы выкрикивали спешащим по Невскому прохожим сенсацию: «Несравненная будет спасена! Уникальная операция Вяльцевой! Муж пожертвовал певице свою кровь!»

Из газеты «Петербургский листок», 22 января 1913 года:

«А. Д. Вяльцевой произведена 21 января чрезвычайно редкая в медицинской практике операция переливания крови в артерию левой руки. Кровь для операции взята от ее мужа – г-на Бискупского. Как теперь выяснилось, произведенная операция трансфузии крови имела благоприятный результат.

24 января был произведен анализ крови больной, давший очень благоприятные результаты: обнаружено увеличение

кровяных шариков на 3 процента. Поднявшаяся у больной температура также учитывается как благоприятный симптом. Если в течение 7 дней процентное отношение гемоглобина будет хотя бы немного увеличиваться, тогда только можно будет сказать, что кризис вполне миновал».

Но тогдашняя медицина оказалась бессильна... Доктора совершили трагическую ошибку – умиравшей артистке влили кровь не той группы. В начале XX века наука ведь только догадывалась о существовании такого понятия.

Когда возможности официальной медицины были исчерпаны, поседевший от горя Василий Викторович был готов на все, лишь бы хоть как-то отсрочить неизбежное. Приглашали модного тогда тибетского целителя Бадмаева, лечившего самого фишку Распутина... Тщетно. Не помог и специально выписанный из Лифляндии профессор Розендорф, пытавшийся впрыснуть больной новое для того времени лекарство – фосфоцид.

А. Д. Вяльцева при жизни была законодательницей моды: ее драгоценности, туалеты и прически обсуждались поклонниками, журналистами и музыкальными критиками. Обворожительная в жизни, она позаботилась и о том, как ей надлежит выглядеть после смерти.

Предчувствуя скорый уход, за несколько недель до кончины артистка пригласила свою портниху обсудить фасон платья, в котором желала отправиться в последний путь.

В шикарных нарядах

Вечером 4 февраля 1913 года всё было кончено.

С лица Анастасии Дмитриевны скульптор В. И. Демчинский снял посмертную маску.

«...Тело покойной лежало на кровати белого клена под белым кружевным покрывалом, В ногах стоял букет белой сирени и мимозы, У изголовья – четыре подсвечника, обтянутые белым флером, и маленький складень из трех икон, который сопровождал ее во всех поездках...

Согласно последней воле, парикмахер сделал ей прическу, с которой она всегда выступала на сцене...»

Это не было обычной дамской прихотью. Фирменная прическа Вяльцевой («с напуском») наряду с шикарными туалетами и роскошными драгоценностями была частью хорошо продуманного образа.

Артист В. И. Воронов вспоминал показательный случай:

«Снималась она на фотографии и выступала всегда с одной и той же прической – с валиком. Публика привыкла и иначе не представляла себе лица своей любимицы. И вдруг на одном концерте Вяльцева появилась с другой модной прической. Зал замер; в первый момент зритель не узнал Вяльцевой. Потом начался ясный протест против новой прически артистки: зал зашумел.

А. В. Таскин, всегдашний аккомпаниатор артистки, пытался взять несколько аккордов, но в зале поднялся невообразимый шум протеста. Вяльцева стояла виноватая и растерянная. Публика настойчиво просила ее уйти и причесаться по-прежнему... Был объявлен антракт, после которого Вяльцева вышла со своей старой прической. Публика была в восторге, и концерт прошел с огромным успехом».

Кино-Театръ **А. А. ШАНЦЕРА.**

Крещатикъ, № 38.

Сверхъ грандіозной программы

ПОХОРОНЫ ВЯЛЬЦЕВОЙ

въ С.-Петербурѣ.

6-15 P1297—

ОБРАЗЦОВЫЙ
театръ-біографъ „**ЭКСПРЕССЪ**“ Крещатикъ, № 25
противъ почты
Сверхъ большой великолѣпной программы
изъ 6 картинъ

ПОХОРОНЫ ВЯЛЬЦЕВОЙ

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

3-15 P385—

Въ воскресенье, 11-го декабря, въ театръ...

Похороны сопровождались едва ли не большим ажиотажем, чем концерты примы. Петербург не знал ничего подобного ни до, ни после. Толпа, следовавшая за прахом покойной, с каждым шагом нарастала и скоро представляла собою сплошную лавину на протяжении от Морской улицы до Литейного проспекта. К воротам Александро-Невской лавры подошли уже десятки тысяч человек.

Над колонной провожающих плыл венок из белых ли-

лий и сирени, перевитый траурной лентой с надписью: «От безумно любящего мужа, навек преданного памяти безоблачной, долгой совместной жизни и убитого горем невозвратной потери своего сказочного счастья, – своей единственной, дорогой, незабвенной милой Настино.

У гроба, сменяя друг друга, дежурили Матильда Кшесинская, Анна Павлова, артисты цыганского хора Шишкина, труппа Малого театра, столичная знать...

Столица по-настоящему скорбела, однако для пронырливых шоуменов смерть Несравненной стала еще одним источником дохода. Так вышло, что Анастасии Вяльцевой в отличие от многих ее коллег по сцене не пришлось сниматься в кино. Но ее имя все-таки появилось на афише синематографа: «Не пропустите премьеру сезона! Только в “Экспрессе” демонстрация документальной картины “Похороны Вяльцевой”!..» Смерть Несравненной превратилась в грандиозное шоу.

В последний путь Несравненную провожали тысячи человек

Через несколько дней после кончины дивы стали известны подробности ее последних распоряжений. Зная о приближающейся неминуемой смерти, она все четко расписала: завещала открыть в Петербурге в ближайшие четыре года либо больницу ее имени для рожениц, либо приют для внебрачных детей, туда же направить и средства, оставшиеся после продажи ее недвижимости с аукциона.

В случае если город откажется от подобной благотворительной акции, Вяльцева распорядилась продать дома и направить деньги в Санкт-Петербургский университет для

учреждения стипендий крестьянским детям. Населению Петербурга прима оставила без малого шестьсот тысяч рублей, которые так и не поступили в кассу опеки. Дума согласилась принять дар Вяльцевой, но бумаги долго двигались по разным инстанциям, а потом началась революция, и вместо больницы в здании, завещанном Вяльцевой городу, открылся политический клуб для рабочих «Новая жизнь».

В 1914 году родственники заказали скульптору Серафиму Судьбинину (учившемуся, между прочим, у самого Родена) мраморное надгробие. Из множества эскизов выбрали изображавший возвышающуюся в полный рост артистку возле креста. Через некоторое время в журнале «Рампа и жизнь» прошло известие, что памятник готов, но так как он изготовлен в Париже, привезти его в Россию возможно только после окончания войны. В итоге до России памятник так и не добрался: сначала война, потом революции... След памятника затерялся во Франции, где Судьбинин оказался в эмиграции.

В годы Первой мировой войны вдовец Василий Викторович Бискупский стал генералом, командовал кавалерийской дивизией и был, по выражению своего однополчанина барона Врангеля, «лихим и отчаянно смелым офицером». В 1918 году он возглавил армию гетмана Скоропадского в Одессе, в 1919-м эмигрировал в Германию, где вновь женился. Скончался генерал летом 1945-го в Мюнхене. Говорят, все стены его квартиры были увешаны портретами «любимой На-

стюши». К его офицерской судьбе мы еще вернемся в самом конце повествования, и потому прошу вас, читатель, запомнить это имя – Василий Бискупский.

После смерти великой певицы ушлые импресарио попытались создать новые проекты, подаваемые зрителю не иначе как «новая Вяльцева».

Летом 1915 года газеты писали о предстоящем концерте некой Наташи Ростовой (псевдоним Екатерины Сангуровой), которая «имеет внешнее сходство с А. Д. Вяльцевой, обладает вяльцевским тембром и исполняет весь ее репертуар». Антрепренер старлетки требовал, чтобы она выходила к публике в тех же нарядах, что и Несравненная.

Не помогло. Фальшивую «примадонну» освистали.

Среди подражательниц попадались, безусловно, одаренные вокалистки. Скажем, Наталья Тамара. Но статья достойной заменой ни одна из них не смогла.

Собственно, на эстраде Российской империи с начала XX века и до октября 1917-го «летала» этакая «птица-тройка» «женщин из русских селений»: уже помянутая Вяльцева (родом из Орловской губернии), Надежда Плевицкая (из курской деревеньки) и москвичка Варя Панина.

За каждой из них следовал рой подражателей, и к «жужжанию» некоторых из них мы еще прислушаемся.

Пока же поговорим о «божественной» (по выражению А. Блока) Варе Паниной.

«Божественная»

*Я гущу, если можешь понять
Мою душу доверчиво нежную,
Приходи ты со мной попенять
На судьбу мою, странно мятежную...*

**«Лебединая песня» (М. Я. Цуре) из репертуара В. В.
Паниной**

Варвара Васильевна Панина родилась в семье московских цыган и с юных лет выступала в хоре знаменитой «Стрельны». Слава о талантливой девушке стремительно распространилась по Белокаменной, а потом и по всей России.

Друг Ф. И. Шаляпина живописец К. А. Коровин описывает в мемуарах занятный диалог:

«— Ты слышишь... — сказал Шаляпин Серову, — Константину (Коровину) не нравится, что я пою. Плохо пою. А кто же, позвольте вас спросить, поет лучше меня?»

— А вот есть. Цыганка одна поет лучше тебя.

— ...Какая цыганка?

— Варя Панина. Поет замечательно. И голос дивный.

— ...Это какая же, позвольте вас спросить, Константин Алексеевич, Варя Панина?

— В “Стрельне” поет. За пятерку песню поет. И поет как надо...»

После замужества Варвара Васильевна перешла в легендарный «Яр».

Послушать ставшую известной к тому времени певицу считали своим долгом не только меломаны — завсегдатаями ее вечеров были «сливки» тогдашнего общества.

На редких фотографиях видно, что внешность звезды не отличалась изяществом — полная, неграциозная, с грубыми чертами лица... Под стать был и голос — очень низкий, похожий на мужской, — и особая цыганская манера исполнения.

*Ресторан «Яр» в Москве.
Около 1905*

Артистка выходила к публике не спеша, чуть кланялась, располагалась в стоящем на сцене кресле, закуривала. (Папиросы у нее были особенные, толстые, марки «Пушка», и курила она беспрерывно.) Постоянные аккомпаниаторы знаменитой цыганки терпеливо ожидали сигнала. Чуть заметный кивок, первые аккорды гитары – и... зал замирал. Начиналось волшебство, гениальная певица раскрывала душу, вовлекала зрителей в великую тайну романса. Взволнованная

публика рукоплескала, случались и обмороки... Много раз знаменитая певица возвращалась с концертов в разорванном платье – поклонники отрывали от сценических нарядов кусочки «на память».

Объявление из газеты «Русское слово» от 27 февраля 1906 года:

«Очарованный своей соседкой...

Кресло № 63, на концерте Вари Паниной 8 февраля!

Убедительно прошу сообщите свой адрес, был лишен, как вы сами видели, возможности сделать это сам. Главный почтамт, до востребования, предъявителю сторублевой ассигнации № З.Е. 124190».

Сохранились воспоминания о знаменитом концерте, состоявшемся в марте 1906 года в Мариинском театре. На концерте присутствовал его величество Николай Александрович с семьей. После концерта император прошел за кулисы и, поздравив певицу, поинтересовался, почему в его коллекции нет пластинок с записями Паниной. Представители общества «Граммофон» немедленно принялись записывать «цыганскую Патти»⁷. Спустя три месяца царю был подарен красивый альбом из 20 дисков.

⁷ Патти Аделина (1843–1919) – выдающаяся итальянская певица.

Варя Папина. Рекламная открытка

Варвара Васильевна становится желанной гостьей на всех концертных площадках империи. Импресарио от Петербурга до самых дальних российских окраин заранее уверены в успехе, если в концерте будет заявлено ее имя.

Этим пытаются воспользоваться многочисленные жулики от искусства.

Из газеты «Голос Москвы» от 21 апреля 1909 года:

«Неизвестный аферист, назвавшийся Смирновым, управляющим артистки Вари Паниной, назначил в Острогожке концерт, собрал с публики 400 руб. и скрылся».

Весной 1910-го на единственный совместный концерт, данный Варей Паниной и Анастасией Вяльцевой в Дворянском собрании, «попасть было также трудно, как на парадный спектакль в честь французских гостей». Выступали два кумира: в первом отделении пела «несравненная» Анастасия Вяльцева, «певица радостей жизни», во втором – «божественная» Варвара Панина, «певица роковых страстей и глубокой печали». В семье Паниных хранится программа этого концерта, около фамилии Паниной – три точки, что означало: певица будет петь исключительно по заказу, заранее репертуар не указывался. Публика неистовствовала. Концерт удалось завершить только около двух часов ночи после вмешательства полиции.

*Варвара Васильевна Панина на пороге своего дома в
Москве*

«Концерт знаменитой Вари Паниной. Зал переполнен, – сообщал рецензент журнала “Рампа и жизнь”, -Панина, допевающая свою “лебединую песнь” под аккомпанемент гитары и цитры, голосом, уже начавшим тускнеть, очень хорошо исполнила ряд песен и настолько очаровала молодежь, что та, окружив Панину тесным кольцом, устроила ей шумную овацию, засыпав цветами». Неведомый критик и не подозревал, что расхожая фраза о «лебединой песне» станет пророческой. Через год, в июне 1911-го, Вера Панина скончалась от сердечного приступа прямо в своей гримерке. Певице было 39 лет.

Из газеты «Театр» от июня 1911 года:

«Во вторник похоронили Варю Панину, последнюю блестящую представительницу настоящего цыганского жанра, любимицу Москвы.

На похоронах, кроме многочисленных поклонников, присутствовали представители высшего чиновничества, элита артистического и театрального мира, титулованные особы... Гроб "царицы романса" утопал в цветах.

Она пережила смерть самых близких людей – сначала мужа, Затем матери и брата. Сиротами остались пятеро ее детей. Похоронили Варю Панину на Ваганьковском кладби-

Ще».

«Король романса»

*Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых! Пара гнедых!..*

*А. Апухтин, «Пара гнедых». Из репертуара А.
Давыдова*

Этот год с двумя единицами стал роковым для русского романса. Уходила эпоха. Чуть раньше Паниной покинул бренную землю артист, во многом повлиявший как на Варвару Васильевну так и на Анастасию Дмитриевну Вяльцеву.

Артистическая карьера прославленного русского певца Саши Давыдова началась в Тифлисе. Сначала Давыдов с

успехом гастролировал на юге России. Затем переехал в Москву, учился в Институте восточных языков. Позднее начал выступать с собственной программой на эстраде.

В 1870-1880-е гг. считался королем романсов. Лучше всех написал о Саше Давыдове его друг, Влас Дорошевич. Жаль, поводом для прекрасной заметки стала смерть артиста.

«Сколько женщин, – о, добродетельных! – теперь предавшихся молитве, нянчащих милых внучат, – сколько женщин украдкой смахнули слезу, набежавшую при известии о смерти легкомысленного друга их молодости!

Балерины и цыганки, и прекрасные московские купчихи, и французские актрисы...

Список был бы слишком длинен.

– Вы поете порок?

– Я пою легкомыслие.

Все прекрасно, что приносит только радость.

Одно время старая, грешная Москва со снисходительной улыбкой рассказывала о беспутном “Саше”:

– Вы знаете? Давыдов каждый день ходит на Тверской бульвар посмотреть на своих деток. Трогательная картина! Три кормилицы одновременно выносят гулять трех его дочерей. Одна законная, две незаконных!

Бог благословил Давыдова почему-то дочерями.

У него родились только дочери.

У него была масса дочерей.

И все носили различные фамилии!

И всех он помнил и любил».

Впрочем, один «сынишка» у Саши Давыдова все-таки имелся. По иронии судьбы, в одно время с «королем романа» на сцене блистал его полный тезка – Александр Давыдов, которого охочая до пикантных историй публика тут же записала в родственники к Саше.

Дочь Саши Давыдова певица Зина Давыдова

Несмотря на два десятка лет разницы, певцы дружили. Их часто видели вместе за ресторанным столиком или в театральной ложе, что давало газетчикам повод утверждать, будто А. М. Давыдов «внебрачный сын» известного своими

амурными историями А. Д. Давыдова, но это, конечно, было неправдой.

«Сынок» – А. М. Давыдов

На самом деле Александр Михайлович Давыдов родился

в семье учителя в маленьком еврейском местечке. С 12 лет пел в кафешантане. Один из импресарио обратил внимание на талантливого юношу и помог ему перейти в хор Киевской оперы. В семнадцать лет дебютировал на оперной сцене. В 1900 году был приглашен солистом в Мариинский театр. По приглашению С. П. Дягилева в 1909 году выступал в Париже в программе «Русские сезоны». Внезапно обрушившаяся болезнь привела к глухоте. В 1914 году певец оставил оперную сцену, но еще десять лет продолжал концертную деятельность, исполняя цыганские романсы. В 1924 году эмигрировал в Париж, где трудился консультантом в Театре русской оперы. В 1934 году стал режиссером в труппе Шаляпина и по его же настоянию был приглашен в качестве режиссера в парижский театр «Опера комик» в качестве постановщика «Князя Игоря».

В 1935-м вернулся в СССР, занимался педагогической деятельностью в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова (бывшая Мариинка).

Написал воспоминания о П. И. Чайковском и Ф. И. Шаляпине, а также собственные мемуары, сохранившиеся в рукописи, но до сих пор не опубликованные.

Но вернемся к воспоминаниям Власа Дорошевича:

«Этот баловень жизни был ребенком.

Как ребенок, он быстро и охотно такал.

При воспоминании о “дочках”:

– Что-то они все теперь делают?

От того, что у него нет денег.

– Что, Саша, если бы тебе вернуть все деньги, которые ты выпил на шампанском?!

– Что на шампанском! Если бы вернуть, что я при шампанском на жареном миндале проел, – у меня был бы каменный домина! – ответил Давыдов.

И заплакал.

Как ребенок, он был со всеми на ты.

С первого же слова.

И, как ребенок, не понимал, что “дяди” могут быть очень важные.

В Петербурге, у Кюба, он подошел к одному “приятелю”, назначенному министром:

– Ты что ж это, такой-сякой, – я иду, а ты даже “Саша” не крикнешь?

Министр посмотрел на “опереточного лицедея”, как принц Гарри, сделавшись королем, смотрит на Фальстафа, и перестал посещать ресторан.

– Чего это он? – искренно удивлялся Давыдов.

Когда ему нужны были деньги, он просил просто и “бесстыдно”.

Как просят дети. У малознакомых людей. И деньги тратил на лакомства.

Как-то после удачного концерта все деньги проел на землянике.

Дело было в марте.

Он просидел у Дюссо – у знаменитого в Москве Дюссо – целый день в кабинете, пил шампанское и ал только землянику.

Наконец, распорядитель с отчаянием объявил:

– Вы, Александр Давыдович, всю землянику в Москве изволили скушать. Везде посылали. Больше нигде ни одной ягодки нет.

Давыдов уплатил по счету и сказал:

– Дай денег тоже!

Или тратил деньги на игрушки.

С трудом достав несколько сот рублей, вдруг закупил каких-то абажурчиков для свечей, закладочек для книг.

– Дочкам подарки.

– Да ты с ума сошел! На что им эти игрушки? Дочки-то твои почти замужем!

– Все-таки об отце память!

Иногда он рассуждал о политике и с глубоким вздохом говорил:

– Революция необходима! Надо собраться всем и подать прошение на высочайшее имя, чтобы всех градоначальников переменили.

Он был детски простодушен и по-детски же хитер.

Когда он приехал в Москву, у него была масса кавказских безделушек: запонки, булавки, спичечницы с “чернетью”.

Из любезности эти вещи хвалили:

– Премаленькая вещь!

“Саша” сию же минуту снимал с себя.

– Бери.

– Что ты? Что ты?

– Нельзя. Кавказский обычай. Называется: “неш-кеи”. Бери – обидишь. Раз понравилось – бери. Куначество.

Но затем и он начал хвалить у “кунаков” золотые портсигары, брильянтовые булавки.

И ужасно обижался, что ему никто не дарил “на неш-кеи”:

– Мы не кавказцы!

– Хороши кунаки!

На него никто долго не сердился, как нельзя долго сердиться на детей.

Хорошее и дурное было перемешано в нем в детском беспорядке... Как ребенок, он быстро привязывался к людям. В нем все старело, кроме сердца. Природа дала ему прекрасный голос, такую постановку голоса, какой не мог бы дать самый лучший профессор, бездну вкуса и помазала его талантом пеня. Саша подошел к рампе. Лицо стало строгим, торжественным.

Пара гнедых, запряженных зарею...

Первое исполнение нового романса. И со второго, третьего стиха театр перестал дышать.

Где вы теперь, в какой новой богине

Ищете вы идеалов своих?

Артистка Е. Гильденбрандт покачнулась. Ее увели со сцены. Красивые хористки утирали слезы. В зале разразились рыдания. Кого-то вынесли без чувств. Гостивший в Москве французский писатель, толстый, жизнерадостный буржуа, в антракте разводил руками: “Удивительная страна! Непонятная страна! У них плачут в оперетке”.

*Вы, только вы и верны ей поныне
Пара гнедых... пара гнедых.*

Давыдов закончил сам с лицом, залитым слезами».

В 1891–1892 гг. артист еще выступал в спектакле «Цыганские песни в лицах» в прославившей его когда-то роли Антипа, хотя и начал уже постепенно терять голос. Молодая хористка Анастасия Вяльцева именно в этой постановке дебютировала в столице. Пленившись ею, сорокалетний Саша Давыдов взялся обучать начинающую певицу тонкостям сценического мастерства. Говорили, что целый ряд известных романсов Анастасия Дмитриевна отрепетировала под его руководством. И что композицию «Скажи, зачем тебя я встретил?» певец посвятил Вяльцевой.

«...Саша жил, как птица небесная, – продолжает Влас Дорошевич разговор о своем добром товарище. – То вдруг занимался делами.

– Я, брат, теперь коммерцией занимаюсь. Распространяю шампанское “Кристалл”. Но, кажется, больше выпил этого шампанского, чем распространил.

То вспоминал старое и ехал в провинцию давать концерты.

То просто занимал.

То кутил с приятелями.

Было бы соблазнительно написать контраст: блестящее начало и ужасный конец. Но это была бы неправда. Я видел “казнь артистов”. При мне в Москве был освистан старик Нодэн в опере, ему посвященной, в “Африканке”. Старик умирал от голода и должен был петь, когда ему трудно было даже говорить.

А. Д. Давыдов в роли Антипа в оперетте «Цыганские песни в лицах»

Ничего подобного Давыдову, ошва богу, не довелось пережить.

Судьба хранила своего баловня, И его биография, – редкая биография: счастливица на земле.

Семья Давыдова была обеспечена.

Когда через его руки проходили большие деньги, один из его родственников отнял у “беспутного Саши” несколько десятков тысяч и открыл магазин, который вполне обеспечил жизнь семьи и воспитание законных детей.

Незаконным он передал вместе с кровью чудный талант – пение.

Всё устроилось в жизни отлично.

У “беспутного Саши” был и свой угол, и кусок хлеба.

Теплый угол и кусок хлеба с маслом.

Хороший кабинет в отличной квартире, где он мог передохнуть от бурной жизни, и вкусный обед с бутылкой кахетинского, которое он пил после ресторанного шампанского с неизменным умилением:

– А? Говорят, бургонское? А разве с кахетинским сравнить можно? Своего не умеем ценить!

И иногда от умиления плакал.

Все необходимое было.

А на “легкомыслие” он должен был промышлять. И промышлял. Жил весело, как могут жить только беззаботные люди и это истинно мудрое дитя! Его, отлично одетого, веселого, можно было встретить везде, где веселятся. Только там, где веселятся.

За несколько дней до смерти его видели в скейтинг-ринге. Он был беззаботен и весел, как Дон Жуан на последнем ужине. А каменный Командор уже подходил. И стучали его тяжелые шаги.

Счастье не слышит, когда они раздаются, – черт знает, где ждет иногда Командор!

Он остановился на январском морозе, на петербургском ветру, у дверей залитого огнями скейтинг-ринга.

И когда Саша Давыдов выехал, шутя, остря, смеясь, в распахнутой шубе, с шапкой, надвинутой на ухо, с видом говорящего: “Еще поживем!” – Командордохнул на него своим холодным дыханием. Крупозное воспаление легких.

И вот:

Тихо туманное утро столицы.

По улице медленно дроги ползут.

Спи спокойным, детским сном, милый Саша.

Спасибо тебе за твои прелестные песни.

А будет тебе земля легка, как легка была жизнь».

2 февраля 1911 года Давыдов умер от воспаления легких.

О смерти давно позабытого кумира написали все российские газеты: «Ушел “король романса»». Репортер журнала «Театральная Москва» В. А. Нелидов заметил в некрологе: «Из русских певцов Мазини похвалил двоих. Первый был Давыдов. Второй – Шаляпин...»

«Кто на свете всех милее?»

*Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит.
Ей много простора, ей много свободы,
Луч солнца у чайки крыло серебрит...*

*Популярный в начале XX века романс «Чайка» на
стихи Е. Буланиной*

Но жизнь продолжалась. Легкомысленная публика, словно предчувствуя катастрофу, все активнее требовала «хлеба и зрелищ». Уже в 1912 году пресса запестрела сообщениями о «появлении новых исполнительниц цыганских романсов, стремящихся подражать как идеалу цыганского пения умершей Варя Паниной...» Антрепренеры выискивали молодых «цыганских» певиц, афишируя их как «прямых наследниц Вари». «Только один концерт цыганки Насти Поляковой... преемницы Вари Паниной», – широковещательно зазывали афиши.

Фирмы грампластинок наперебой предлагали новые записи тринадцатилетней Катюши Сорокиной («юная Варя Панина»), Елизаветы Градовой («заместительница талантливой Паниной») и т. д.

Но панинского триумфа ни одной из них испытать не пришлось.

Успех Вари Паниной не смотрелся чем-то экстраординарным – цыганские семьи издавна «поставляли» звезд на отечественные эстрады. Триумф же крестьянской девочки Насти из брянской деревушки выглядел для современников тем удивительнее, что в битве за корону «царицы романса» участвовали певицы с изначально большими шансами на успех. Столичные штучки с консерваторским образованием и богатыми мужьями желали быть «несравненными» ничуть не меньше провинциалки Вяльцевой и стремились доказать свои притязания изо всех сил. Кому-то это почти удавалось, и тогда в газетах появлялись лестные отзывы и обещания скорого взлета... как у «чайки русской эстрады».

Сегодня уже ясно – сквозь толщу лет доносятся до нас в полную силу лишь голоса Анастасии Вяльцевой и Варвары Паниной, но в былые времена соперницам их было несть числа. И каждая имела свою аудиторию.

Давайте и мы отдадим должное этим почти «безымянным» нынче талантам. Они честно и профессионально делали свое дело, а что забыли их совсем – не их вина.

Раиса Раисова – одна из главных соперниц А. Д. Вяльцевой

Раиса Михайловна Раисова – известная исполнительница цыганских романсов (меццо-сопрано). Полагалась современниками «второй после Вяльцевой». Сама Анастасия Дмитриевна вспоминала, как трепетала от волнения во время дебюта, где ей предстояло выступать «со знаменитой Раисовой и знаменитым Давыдовым».

Родилась грядущая «знаменитость» на Украине в небогатой еврейской семье. Дебютировала в 1895 году в Петербурге – пела партию Зины в оперетте-мозаике Н. Г. Северского «Цыганские романсы в лицах».

К началу XX века Раиса Раисова – опереточная звезда номер один в России.

В 1910-е годы певица гастролирует с концертными программами, состоявшими из русских и цыганских романсов, много записывается на граммофонные пластинки. Вяльцеву и Раисову часто противопоставляли, считая их главными конкурентками за звание «королевы романса».

Александр Блок в письме от 5 августа 1912 года признавался другу: *«Я слушал Вяльцеву – в первый раз после окончания курса в гимназии, когда мы ездили в Москву. Она мне необыкновенно не понравилась. Еврейка Раисова неизмеримо лучше»*. Справедливости ради стоит отметить, что Вяльцеву Блок все-таки в дальнейшем «расслушал» и в восхищении посвятил ей стихи: *«Дивный голос твой, низкий и странный, славит бурю цыганских страстей...»* Как сложилась судьба Раисы Раисовой после революции, неизвестно.

А вот осколки еще одной биографии...

Мария Александровна Эмская наряду с цыганскими романсами, сделавшими ее имя в начале XX века крайне популярным, включала в свой репертуар даже оперные арии. Эмская активно записывалась на грампластинки, в годы Первой мировой войны напела много композиций патриотиче-

ского содержания: «Все умрем иль победим», «За Родину и честь», «На поле сраженья», «Смерть героя», «Солдатская колыбельная песня», «Холодно, сыро в окопах».

Пластинка Марии Эмской с ее портретом

Случалось ей записываться дуэтом с Михаилом Вавичем и другими «властителями дум». Общая дискография Эмской насчитывала более 300 (!) пластинок. Но, как и сегодня, знаменитости на заре звукозаписи часто становились жертвой пиратства. Рассадником незаконного выпуска дисков стала разместившаяся в Петербурге фабрика «Тонофон». Проведя небольшое «исследование», целью которого было выявление самых покупаемых имен, жулики начали рьяно тиражировать пластинки М. А. Эмской. Будучи женой известного автора сатирических скетчей и издателя журнала «Граммофонный мир» Д. А. Богемского, который знал всё и вся в музыкальном бизнесе, она умудрилась записаться практически на всех фирмах, существовавших тогда в России. Не успевала где-нибудь появиться ее новая удачная пластинка, как через пару дней на рынке всплывали пиратские копии «Тонофона». По откровенному и циничному признанию «пиратского атамана», он продал десятки тысяч дисков, не уплатив Марии Александровне ни копейки. «Помилуйте, – плакалась артистка, – мало того что этот господин обворовал меня, он еще и сделал мне убийственную рекламу Диски “Тонофона” не дают ни малейшего представления о моих вокальных данных, получается сплошная хрипящая безголосица и какая-то старческая сипота».

Из газеты «Московские ведомости», февраль 1910 года:
«Среди артистов возникла мысль не входить в соглаше-

ние с обществом граммофонов, а самим эксплуатировать свои пластинки, открыв собственный магазин. При приближительном расчете артисты на свою долю получают на тридцать процентов больше, нежели получают теперь. Наконец в настоящее время трудно установить контроль продажи пластинок».

Подробности о судьбе Марии Александровны Эмской неизвестны.

Не так давно в Петербурге случайно была обнаружена могила певицы.

Судя по дорогому и тонко выполненному памятнику, ее уход стал большой трагедией для Д. А. Богемского, если он в 1925 году сумел найти и средства, и возможности для его изготовления.

Надгробие М. Эмской в Петербурге

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.